литературу, но Толстой обладаетъ такой способностью отдаваться весь дѣлу и вкладывать въ него весь геній, что его журнальныя статьи привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе. Я имѣю, напримѣръ, въ моей библіотекѣ четыре французскихъ книги, вышедшихъ почти тридцать лѣтъ спустя послѣ прекращенія журнала и составленныя по большей части изъ статей, взятыхъ оттуда. («L'école de Yasnaia Poliana»; «Le Progres de l' Instruction publique en Russie»; «La Liberté dans l' Ecolé»; «Pour les Enfants»).

Школа помѣщалась въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Маленькій колоколъ, висѣвшій на крыльцѣ, звонилъ каждое утро въ восемь часовъ, и черезъ полчаса появлялись дѣти. «Никогда никому не дѣлали выговоровъ за опаздываніе, и никогда никто не опаздывалъ. Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, ученикъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался». Не дѣлалось никакихъ попытокъ установить порядокъ, такъ какъ дѣти должны учиться сами сохранять его.

Вотъ одна сцена по разсказу самого Толстого. «Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили ребята!» или «будетъ! брось виски-то!» и т. д. «Петръ Михайловичъ!—кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю,—вели имъ бросить». «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню.

Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу—верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: и мнѣ и мнѣ!.. Если останутся еще